

В ТРАГЕДИИ УЧАСТВУЮТ:

Врач приемного покоя психбольницы
Две его ассистентки-консультантши
Одна (Валентина) — в очках, поджарая и дробненькая.
И больше секретарша, чем ассистентка
Другая — Зинаида Николаевна, багровая и безмерная
Старший врач Игорь Львович Ранинсон
Прохоров — староста 3-й палаты и диктатор 2-й
Гуревич
Алеха по кличке Диссидент, оруженосец Прохорова
Вова — меланхолический старичок из деревни
Сережа Клейнмихель — тихоня и прожектор
Витя
Стасик — декламатор и цветовод
Коля
Комсорг 3-й палаты Пашка Еремин
Контр-адмирал Михалыч
Медсестра Люси
Медсестра Натали
Медсестра-санитарка Тamarочка
Медбрат Боренька, по кличке Мордovorот
Хохуля — сексуальный мистик и сатанист
Толстые санитары с носилками, в последнем акте
уносящие трупы

Все происходит 30 апреля, потом ночью,
потом в часы первомайского рассвета

Досточтимый Мур!¹

Отдаю на твой суд, с посвящением тебе, первый свой драматический опыт: «Вальпургиева ночь» (или, если угодно, «Шаги Командора»).

Трагедия в пяти актах. Она должна составить вторую часть триптиха «Драй Нэхте».

Первая ночь, «Ночь на Ивана Купалу» (или, проще, «Диссиденты»), сделана пока только на одну четверть и обещает быть самой веселой и самой гибельной для всех ее персонажей. Тоже трагедия и тоже в пяти актах.

Третью — «Ночь перед Рождеством» — намерен кончить к началу этой зимы.

Все Буаловские каноны во всех трех «Ночах» будут неукоснительно соблюдены:

Эрсте Нахт — приемный пункт винной посуды;

Цвайте Нахт — 31-е отделение психбольницы;

Дритте Нахт — православный храм, от паперти до трапезной.

И время: вечер — ночь — рассвет.

Если «Вальпургиева ночь» придется тебе не по вкусу, — я отбрасываю к свиньям собачьим все остальные ночи и сажусь переводить кого-нибудь из нынешних немцев.

А ты подскажешь мне, кто из них этого заслуживает.

*Венедикт Ер.
Весна 1985 г.*

---

¹ Это письмо Вен. Ерофеев послал своему другу В. Муравьеву сразу после написания пьесы.

ПЕРВЫЙ АКТ

Он же Пролог. Приемный покой. Слева от зрителя — жюри: старший врач приемного покоя, смахивающий на композитора Георгия Свиридова, с почти квадратной физией и в совершенно квадратных очках. По обе стороны от него — две дамы в белых халатах: занимающая почти пол-авансцены Зинаида Николаевна и сутуловатая, на все отсутствующая, в очках и с бумагами, Валентина. Позади них мерно прохаживается санитар и медбрат Боренька, он же Мордovorot, и о нем речь впереди. По другую сторону стола только что доставленный «чумовозом» (скорой помощью) Л. И. Гуревич.

Доктор: Ваша фамилия, больной?

Гуревич: Гуревич.

Доктор: Значит, Гуревич. А чем вы можете подтвердить, что вы Гуревич, а не... Документы какие-нибудь есть при себе?

Гуревич: Никаких документов, я их не люблю. Рене Декарт говорил, что...

Доктор (*поправляя очки*): Имя-отчество?

Гуревич: Кого? Декарта?..

Доктор: Нет, нет, больной, ваше имя-отчество!

Гуревич: Лев Исаакович.

Доктор (*из-под очков, в сторону очкастой Валентины*): Отметьте.

Валентина: Что отметить, простите?

Доктор: Все! Все отметить!.. Родители живы?.. И зачем вам лгать, Гуревич?.. если вы совсем не Гуревич... Так, я еще раз повторяю: ваши родители живы?..

Гуревич: Оба живы, и обоих зовут...

Доктор: Интересно, как их зовут.

Гуревич: Исаак Гуревич. А маму — Розалия Павловна...

Доктор: Она тоже Гуревич?

Гуревич: Да. Но она русская.

Доктор: Ну, а как обстоит дело с вашей матерью?

Гуревич: Вы бестактны, доктор. Что значит «как обстоит дело с матерью»? А с вашей, если вы не сирота, как обстоит?

Доктор: Обратите внимание, больной, я не раздражаюсь. Того же прошу и от вас... А кого вы больше любите, маму или папу? Это для медицины совсем немаловажно.

Гуревич: Больше все-таки папу. Когда мы с ним переплывали Геллеспонт...

Доктор (*очкастой Валентине*): Отметьте у себя. Больше любит папу-еврея, чем русскую маму... А зачем вас понесло на Геллеспонт? Ведь это, если мне не изменяют познания в географии, — ведь это еще не наша территория...

Гуревич: Ну, это как сказать. Вся территория — наша. Вернее, будет нашей. Но нам не дают туда погулять — видимо, из миротворческих соображений: чтобы мы довольствовались шестой частью обитаемой суши.

Доктор: А... очень широк этот Геллеспонт?..

Гуревич: Несколько Босфоров.

Доктор: Это вы что же — расстояние измеряете в босфорах? Вам повезло, больной, вашим соседом

по палате будет человек, он измеряет время тумбочками и табуретками, вы с ним споетесь. Так что же такое Босфор?

Гуревич: Ничего нет проще. Даже вы поймете. Когда я по утрам выхожу из дому и иду за бормотухой, то путь мой до магазина занимает ровно 670 моих шагов — а по Брокгаузу, это точная ширина Босфора.

Доктор: Пока все ясно. И часто вы вот так прогуливались?

Гуревич: Когда как. Другие — чаще... Но я — в отличие от них — без всякого форсу и забубенности. Я — только когда печален...

Доктор: Н-ну, печаль печалью. А на какие средства вы... каждый день переходили этот ваш Босфор? Это очень важно...

Гуревич: Так ведь мне все равно, какая работа, я на все готов — массовый сев гречихи и проса... или наоборот... Сейчас я состою в хозмагазине, в должности татарина.

Зинаида Николаевна: И сколько вам платят?

Гуревич: Мне платят ровно столько, сколько моя Родина сочтет нужным. А если б мне показалось мало, ну, я надулся бы, например, и Родина догнала бы меня и спросила: «Лева, тебе этого мало? Может, тебе немножко добавить?» — я бы сказал: «Все хорошо, Родина, отвяжись, у тебя у самой ни хуя нету».

Доктор (*из соображений авантюжности*): Я понял, что вы больше вольный мореплаватель, а не татарин из хозмага. Встаньте. Сдвиньте ноги. Зажмурьте глаза. Протяните руки вперед.

Гуревич (*делает то, что предписывают*): Я могу сесть?

Доктор: Можете, можете. Довольно. Нам уже по существу все понятно. Вот — одна еще деталь: о том, женаты вы или нет, я не спрашиваю, но есть ли у вас женщина, к которой расположено ваше сердце, та, что сопровождает вас в жизни?

Гуревич: Конечно есть. Вернее, конечно была. Когда мы вместе с нею переплывали Гиндукуш... она разбила свою прекрасную голову... о скалы Британского Самоа. В эту минуту (*Гуревич почти плачет.*) ...и вот в эту минуту — судьба выбила палочку из рук маэстро. Я утонул, но выплыл — вы рады, что я выплыл?

Доктор: Из Гиндукуша?

Гуревич: Из Гиндукуша. А чего стоит выплыть из Гиндукуша, если прежде человеку покорялись Дарданеллы?

Доктор: Вот-вот. Для нас такой пациент — большая редкость, я рад, что вы не утонули. А вот когда вы плавали — вы брали с собой бутылку?

Гуревич: Еще бы! И какую, бронебойную! Уксуснокислого аммония — акулы его не выносят. Как только появляется акула — выливаешь на голову себе и своей подруге немножко уксуснокислого аммония, — и все, акулы кочевряжатся, вконец теряют свои пустые головы, ну... на прощание лизнут икры моей подруги... но ведь смешно было бы в такой ситуации ревновать... А когда уже дело доходило до Каракорума...

Доктор: А какое сегодня число на дворе? год? месяц?

Гуревич: Какая разница?.. Да и все это для России мелко — дни, тысячелетия...

Доктор: Понятно. Скажите, больной: случаются ли у вас какие-нибудь наваждения, иллюзии, химеры, потусторонние голоса..?

Гуревич: Вот этим обрадовать вас не могу, не случилось. Но...

Доктор: Что все-таки «но»..?

Гуревич: Да вот я о химерах... Ну для ради чего, например, я изездил весь свет, пересекал все Куэнь-Луни, взбирался на вершины Кон-Тики, — и узнал из всего этого только одно — что в городе Архангельске пустую винную посуду лучше всего сдавать на улице Розы Люксембург!

Доктор: А еще какие странности?

Гуревич: Очень много. Допустим, является желание, чтобы небо было в одних Волопасах. Чтобы никаких других созвездий. И чтобы меня — под этими Волопасами — лишили бы чего-нибудь: чего-нибудь существенного, но не самого дорогого.

Доктор и медсестры нервничают.

За их спинами безмятежно прогуливается Мордворот
Боренька.

Гуревич (*продолжает*): Но что мне до Волопасов и Плеяд, когда я стал замечать в себе вот какую странность: я обнаружил, что, подняв левую ногу, я не могу одновременно поднять и правую. Это меня подкосило. Я поделился моим недоумением с князем Голицыным...

Доктор дает знак левым глазом — с тем, чтобы Валентина записывала. Она лениво наклоняет конопатую голову.

Гуревич: ...и вот мы с ним пили, пили, пили... чтобы привести мысли в ясность... И я спросил его шепотом — не потревожить бы кого, — да и кого,

собственно, было тревожить, мы же были одни — кроме нас, никого... так вот, значит, я, чтоб никого не потревожить, спросил его шепотом: а почему у меня часы идут в обратную сторону? А он всмотрелся в меня, в часы, а потом говорит: «Да по тебе и незаметно, да и выпили, вроде, немного... но только и у меня пошли в обратную».

Доктор: Пить вам вредно, Лев Исакыч...

Гуревич: Будто я этого не понимаю. Говорить мне это сейчас — все равно, положим, что сказать венецианскому мавру, только что потрясенному содеянным, — сказать, что сдавление дыхательного горла и трахеи может вызвать паралич дыхательного центра вследствие асфиксии.

Доктор: Достаточно, по-моему... Значит, с князем Голицыным... А с виконтами, графьями, маркизами — не приходилось водку хлебать?..

Гуревич: Еще как приходилось. Мне, например, звонит граф Толстой...

Доктор: Лев?

Гуревич: Да отчего же непременно Лев! Если граф — то непременно Лев! Я вот тоже Лев, а ничуть не граф. Мне звонит правнук Льва — и говорит, что у него на столе две бутылки имбирной, а на закуску ничего нет, кроме двух анекдотов о Чапае...

Доктор: И он далеко живет, этот граф Толстой?

Гуревич: Совсем недалеко. Метро «Новокузнецкая», а там совсем рядом. Если вы давно не пили имбирной...

Доктор: А как вам Жозеф де Местр? Виконт де Бражелон? Вы бы их пригласили под забор, шлепнуть из горла... этой... как вы ее называете... бормотухи..?

Гуревич: Охотно. Но чтобы под этим забором были заросли бересклета... И — неплохо бы — анемоны... Но ведь, ходят слухи, они уже все эмигрировали...

Доктор: Анемоны?

Гуревич: Добро бы только анемоны. А то ведь и бражелоны, и жозефы, и крокусы. Все-все бегут. А зачем бегут? А куда бегут? Мне, например, здесь очень нравится. Если что не нравится — так это запрет на скитальчество. И... неуважение к Слову. А во всем остальном...

Доктор (*полномочный тон его переходит в чрезвычайный*): Ну, а если с нашей Родиной стряется беда? Ведь ни для кого не секрет, что наши недруги живут только одной мыслью: дестабилизировать нас, а уж потом окончательно... Вы меня понимаете? Мы с вами говорим не о пустяках. (*Обращаясь к Зинаиде Николаевне.*) Сколько у нас в России народностей, языков, племен..?

Зинаида Николаевна: А черт их знает... Полтыщи есть, наверняка.

Доктор: Вот видите: полтыщи. И как вы думаете, больной, в случае обстоятельств — перед лицом противника — какое племя окажется самым надежным? Вы — человек грамотный, знаете толк в бересклетах и анемонах — и знаете, что они от нас почему-то убегают... И вот — гроза разразилась — в каком вы строю, Лев Исаакович?

Гуревич: Вообще-то я противник всякой войны. Война портит солдат, разрушает шеренгу и пачкает мундиры. Великий князь Константин Павлович. Но это ничего не значит. Как только моя Отчизна окажется на грани катастрофы...

Доктор (*в сторону Валентины*): Запишите и это.

Гуревич: Как только моя Отчизна окажется на грани катастрофы, когда она скажет: «Лева! Брось пить, вставай и выходи из небытия», — тогда...

Оживление в зале. Стук каблучков справа — и в приемный покой стремительно, но без суеты вливается медсестра Натали. Глаза занимают почти половину улыбочатой физиономии. Ямка на щеке. Волосы на затылке, совершенно черные, скреплены немислимой заколкой. Все отдает славянским покоем, кротостью, но и Андалузией — тоже.

Доктор: Вы очень кстати, Наталья Алексеевна (*обычный обмен приветствиями между дамами, и все такое. Натали усаживается рядом с Зинаидой*).

Натали: Новичок... Гуревич?! Сколько лет, сколько...

Доктор: Мы уже, по существу, заканчиваем беседу с больным. Не отвлекать внимания, Наталья Алексеевна, и никаких сепаратностей... Осталось выяснить только несколько обстоятельств — и в палату...

Гуревич (*одушевленный присутствием Натали, продолжает*): Мы говорили об Отчизне и катастрофе. Итак, я люблю Россию, она занимает шестую часть моей души. Теперь, наверно, уже немножко побольше... (*Смех в зале.*) Каждый нормальный гражданин должен быть отважным воином, точно так же, как всякая нормальная моча должна быть светло-янтарного цвета. (*Вдохновенно цитирует из Хераскова.*)

Готовы защищать отечество любезно,
Мы рады с целою Вселенной воевать.

Но только вот какое соображение сдерживает меня: за такую Родину, такую Родину, я, нравственно плюгавый хмырь, просто недостойн сражаться.

Доктор: Ну почему же? Мы вас тут подлечим... и...

Гуревич: Ну так что ж, что подлечите?.. Я все равно ни за что не разберу, какой танк и куда идет. Я готов, конечно, броситься под любой танк, со связкою гранат или даже без связки...

Зинаида Николаевна: Да без связки-то зачем?

Гуревич: Неприятель взлетает на воздух, если даже под него кидаются вообще без ничего. Мой вам совет: больше читайте... Ну, а уж если не окажется ни одного танка поблизости — тогда хоть амбразура найдется точно. Чья — не важно. Я, не мешкая, падаю на нее грудью — и лежу на ней, лежу, пока наш алый стяг не взвьется над Капитолием.

Доктор: Паясничать, по-моему, уже достаточно. У нас, вы сегодня же убедитесь, их, скоморохов, пруд пруди. Как вы оцениваете ваше общее состояние? Или вы считаете — серьезно — свой мозг неповрежденным?

Гуревич *(пока зануда-доктор синематографически и дедуктивно пощелкивает пальцами по столу)*: А вы — свой?

Доктор *(желчно)*: Я вас просил, больной, отвечать только на мои вопросы, на ваши я буду отвечать, когда вы вполне излечитесь. Так как же обстоит с вашим общим состоянием, на ваш взгляд?

Гуревич: ...Мне трудно сказать... Такое странное чувство... Ни-во-что-не-погруженность... ни-чем-не-взволнованность... ни-к-кому-не-расположенность... И как будто ты с кем-то помолвлен... а вот с кем, когда и зачем — уму непостижимо... Как будто ты оккупирован, и оккупирован-то по делу, в соответствии с договором о взаимопомощи и тесной дружбе,

но все равно оккупирован... и такая... ничем-вроде-бы-не-потревоженность, но и ни-на-чем-не-распятие... ни-из-чего-неизблеванность. Короче, ощущаешь себя внутри благодати — и все-таки совсем не там... ну... как во чреве мачехи... (*Аплодисменты.*)

Доктор: Вам кажется, больной, что вы выражаетесь неясно. Ошибаетесь. А это гаерство с вас пошибут. Я надеюсь, что вы, при всей вашей склонности к цинизму и фанфаронству, — уважаете нашу медицину и в палатах не станете буйствовать.

Гуревич (*чуть взглянув на Натали, управляющую свой белый халатик*):

Мой папа говорил когда-то: «Лев,
Ты подрастешь — и станешь бонвиваном!»
Я им не стал. От юности своей
Стяжал я навык: всем повиноваться,
Кто этого, конечно, стоит. Да,
Я родился в смиренной рубашке. —
А что касается...

Доктор (*нахмуясь, прерывает его*): Я, по-моему, уже не раз просил вас не паясничать. Вы не на сцене, а в приемном покое... Можно ведь говорить и людским языком, без этих... этих...

Зинаида Николаевна (*подсказывает*): Шекспировских ямбов...

Доктор: Вот-вот, без ямбов, у нас и без того много мороки...

Гуревич: Хорошо, я больше не буду... вы говорили о нашей медицине, чту ли я ее? Чту — слово слишком нудное, по правде, и... плоскостопное...

Но я — но я влюблен в нее — и это
Без всякого фиглярства и гримас. —

Во все ее подъемы и паденья,
Во все ее потуги врачеванья
И немощей телесных, и душевных,
В ее первенство во Вселенной, в Разум
Немеркнувший, а — стало быть — и в очи,
И в хвост ее, и в гриву, и в уста,
И в...

На протяжении этой тирады Боренька-Мордovorот тихонько, сзади, подходит к декламатору, ожидая знака, когда брать за заговор и волочь.

Доктор: Ну-ну-ну-ну, довольно, пациент. В дурдоме не умничают... Вы можете точно ответить, когда вас привозили сюда последний раз?

Гуревич: Конечно. Но только — видите ли? — я несколько иначе измеряю время. Само собой, не фаренгейтами, не тумбочками, не реомюраами. Но все-таки чуть-чуть иначе... Мне важно, например, какое расстояние отделяло этот день от осеннего равноденствия или... там... летнего солнцеворота... или еще какой-нибудь гадости. Направление ветров, например. Мы вот — большинство — не знаем даже, если ветер норд-ост, то куда он, собственно, дует: с северо-востока или на северо-восток, нам на все наплевать... А микенский царь Агамемнон — так он клал под жертвенный нож свою любимую младшую дочурку, Ифигению, — и только затем, чтобы ветер был норд-ост, а не какой-нибудь другой...

Доктор (*заметив взволнованность больного, дает знак всем остальным*): Да... но вы отклонились от заданного вопроса, вас унесло норд-остом. (*Все смеются, кроме Натали.*) Так когда же вас последний раз сюда доставляли?

Гуревич: Не помню... не помню точно... И даже ветров... Вот только помню: в тот день шейх Кувейта Аб-даллах-ас-Салем-ас-Сабах утвердил новое правительство во главе с наследным принцем Сабах-ас-Салемом-ас-Сабахом... 84 дня от летнего солнцестояния... Да, да, чтоб уж совсем быть точным: в тот день случилось событие, которое врезалось в память миллионов: та самая пустая винная посуда, которая до того стоила 12 или 17 копеек — смотря какая емкость, — так вот, в этот день она вся стала стоить 20.

Доктор (*смирив взглядом прыскающих дам*): Так вы считаете, что в истории Советской России за минувшие пять лет не произошло события более знаменательного?

Гуревич: Да нет, пожалуй... Не припомню... Не было.

Доктор: Вот и память начинает вам изменять, и не только память. В прошлый раз вашим диагнозом было: граничащая с полиневритом острая алкогольная интоксикация... Теперь будет обстоять сложнее. С полгода вам полежать придется...

Гуревич (*вскакивая, и все остальные вскакивают*): С полгода?! (*Боренька тренированными руками отпускает Гуревича в кресло.*)

Доктор: А почему вы удивляетесь, больной? У вас прекрасный наличный синдром. Сказать вам по секрету, мы с недавнего времени приступили к госпитализации даже тех, у кого — на поверхностный взгляд — нет в наличии ни единого симптома психического расстройства. Но ведь мы не должны забывать о способностях этих больных к произвольной или хорошо обдуманной диссимуляции. Эти люди, как правило, до конца своей жизни не

совершают ни одного антисоциального поступка, ни одного преступного деяния, ни даже малейшего намека на нервную неуравновешенность. Но вот именно этим-то они и опасны и должны подлежать лечению. Хотя бы по причине их внутренней несклонности к социальной адаптации...

Гуревич (*в восторге*): Ну, здорово!..

Нет, я все-таки влюблен
И в поступь медицины, и в триумфы
Ее широкой поступи — плевков
В глаза всем изумленным континентам.
В самодостаточность ее и в нагловатость,
И в хвост ее, опять же, и в...

Доктор (*титованный голос его переходит в вельможный*): Об этих... ямбах мы, кажется, уже давно договорились с вами, больной. Я достаточно опытный человек, я вам обещаю: все это с вас сойдет после первой же недели наших процедур. А заодно и все ваши сарказмы. А недели через две вы будете говорить человеческим языком нормальные вещи. Вы — немножко поэт?

Гуревич: А у вас и от этого лечат?

Доктор: Ну зачем же так?.. И под кого вы пишете? Кто ваш любимец?

Гуревич: Мартынов, конечно...

Зинаида Николаевна: Леонид Мартынов?

Гуревич: Да нет же — Николай Мартынов...
И Жорж Дантес.

Натали (*пользуясь всеобщим оживлением*): Так ты, Лева, теперь чешешь под Дантеса?

Гуревич: Нет-нет, прежде я писал в своей манере, но она выдохлась. Еще месяц тому назад я кропал по десятку стихотворений в сутки — и, как прави-

ром я вам упоминал, — так вот, его, по возвращении из Пергама, в ванной зарубили тесаком. А великого трибуна революции Мара...

Зинаида Николаевна (*не слушая его, обращаясь к доктору*): А почему все-таки в 4-ю? Там одни вонючие охламоны... Там он зачахнет, и у него появятся суицидальные мысли. По-моему, лучше в 3-ю. Там Прохоров, Еремин, там его прищучат...

Доктор: «Суицидальные мысли», вы говорите... (*К Гуревичу.*) Еще вам последний вопрос. Когда-нибудь, пусть даже в самой глубокой тайне, не являлось ли у вас мысли истребить себя... или кого-нибудь из своих близких?.. Потому что 4-я палата — это не 3-я, и нам приходится подчас держать ухо востро...

Гуревич: Положа руку на сердце, я уже отправил одного человека туда — мне было тогда лет... не помню, сколько лет, очень мало, но это все случилось дня за три до новолуния... так мне был тогда больше всего неприятен мой плешивый дядюшка, поклонник Лазаря Кагановича, сальных анекдотов и куриного бульона. А мне мой белобрысый приятель Эдик притащил яду, он сказал, что яд безотказен и замедленного воздействия. Я влил все это дядюшке в куриный бульон — и что ж вы думаете? — ровно через 26 лет он издох в страшных мучениях...

Доктор: Мм-дда... Шут с ним, с вашим дядюшкой... А на себя самого — ни разу в жизни не было влечения наложить руки?..

Гуревич: Случалось, и только позавчера, во время Потопа...

Доктор: Всемирного?..

Гуревич: Ничуть не всемирного. Все началось с проливных дождей в Орехово-Зуеве... У нас в по-

следнее время в России началась полоса странных, локальных катастроф: под Костромой, среди бела дня, взмывают к небесам грудные ребятишки, бульдозеры, и все такое. И никого не удивляют эти фигли-мигли. Примерно так же обстояло в Орехово-Зуеве: дожди хлестали семь дней и семь ночей, без продыха и без милосердия, земля земная исчезла вместе с небесами небесными...

Доктор: А какие черти занесли вас в Орехово-Зуево?! Татарина из московского хозмага?..

Гуревич:

О, грустно быть татаринoм — до грoба!
Пришлось подзарабатывать в глуши:
И конформистом, и нонконформистом,
И узурпатором. Антропофагом,
На должности японского шпиона
При институте Вечной Мерзлоты...

Короче, когда на город обрушилась стихия, при мне был челн и на нем двенадцать удалых гребцов-аборигенов. Кроме нас, никого и ничего не было над поверхностью волн... И вот — не помню, на какой день плавания и за сколько ночей до солнцеворота, — вода начала спадать, и показался из воды шпиль горкома комсомола... Мы причалили... Но потом — какое зрелище предстало нам: опустошение сердец, вопли изнутри сокрушенных зданий... Я решил покончить с собой, бросившись на горкомовский шпиль...

Доктор, обхватив голову, дает понять Борису и Натали, чтоб больного поскорее отвели в палату.

Гуревич: Еще мгновение, ребята!.. И когда уже мое горло было над горкомовским острием, а гор-

комовское острие — под моим горлом, — вот тут-то один мой приятель-гребец, чтоб позабавить меня и отвлечь от душевной черноты, загадал мне загадку: «Два поросенка пробегают за час восемь верст. Сколько поросят пробегут за час одну версту?» Вот тут я понял, что теряю рассудок. И вот — я у вас. *(Приподымается с кресла, ему подчеркнуто учтиво помогает Мордоворот.)* И с того дня мешанина в голове... нахт унд нэбель... все путается, теленки, поросенки, Мамаев курган, Малахов курган...

Натали: У тебя не кружится голова, Лев? Иди тихонько, тихонько. *(Натали ведет его под левую руку, Боренька под правую.)* Все сейчас пройдет, тебя уложат в постель.

Гуревич *(покорно идет)*: Но все отчего-то мешается, путается, поросенки, курганы... Генри Форд и Эрнест Резерфорд... Рембрандт и Вилли Брандт...

Доктор *(вслед им)*: В 3-ю палату. Глюкоза, пирацетам.

Гуревич *(удаляется с сопровождающими, и голос его все приглушеннее)*: Эптон Синклер и Синклер Льюис, Синклер Льюис и Льюис Кэрролл... Вера Марецкая и Майя Плисецкая... Жак Оффенбах и Людвиг Фейербах... *(уже едва слышно)*... Виктор Боков и Владимир Набоков... Энрико Карузо и Робинзон Крузо...

ЗАНАВЕС

ВТОРОЙ АКТ

Ему предшествуют до поднятия занавеса — пять минут тяжелой и нехорошей музыки. С поднятием занавеса зритель видит 3-ю палату, с зарешеченными окнами, и арочный вход в смежную, 2-ю палату. Чтобы избежать междупалатной диффузии, обмена информацией и пр., — арочный переход занят раскладушкой, на ней лежит Витя, с непомерным животом, который он, чему-то облизываясь, не перестает поглаживать, с улыбкой ужасающей и застенчивой. Строго диагонально, изогнув шею снизу слева вверх направо, по палате мечется просветленный Стасик. Иногда декламирует что-то, иногда застывает в неожиданной позе — с рукой, например, отдающей пионерский салют, — и тогда декламации прекращаются. Но никто не знает насколько. Сережа Клейнмихель, еще вполне юный, сидит на койке почти недвижимо, иногда сползая вниз, постоянно держится за сердце. В волосах и в лишайнике, со странным искривлением губ. На соседней койке Коля и кроткий старичок Вова держат друг друга за руку и покуда молчат. Коля то и дело пускает слюну, Вова ему ее утирает. Пока еще лежит, с головой накрытый простыней, в ожидании «трибунала», комсорг палаты Пашка Еремин. На койке справа — Хохуля, не поднимающий век, сексуальный мистик и сатанист. Но самое главное, конечно, — в центре: неутомимый староста 3-й палаты, самодержавный и прыщавый Прохоров и его оруженосец Алеха, по прозвищу Доссидент, — вершат (вернее, уже завершают) судебный процесс по делу «контр-адмирала» Михалыча.

Прохоров: Если б ты, Михалыч, был просто змея — тогда еще ничего: ну, змея как змея. Но ты же черная мамба, есть такая южноафриканская змея — черная мамба! — от ее укуса человек издыхает за 30 секунд до ее укуса! На середку, падла!..

Толстый оруженосец Алеха полотенцем скручивает руки за спиной «контр-адмиралу». Поверженный на колени, тот уже не рассчитывает ни на какие пощады.

Прохоров: Как тебе повезло, засранец, дослужиться до такого неслыханного звания: контр-адмирал КГБ? Может, ты все-таки боцман КГБ, а не контр-адмирал?

Алеха: Мичман он, мичман, я по харе вижу, что мичман!..

Прохоров: Так вот, мичман, мы тут с Алехой подсчитали все твои деяния. Было бы достаточно и одного... Первого сентября минувшего года ты сидел за баранкой южнокорейского лайнера?.. Результат налицо — Херсонес и Ковентри в руинах... Удивляет только изощренность этой акции: от всех его напалмов пострадали только старики, женщины и дети! А все остальные... — а все остальные — как будто этот хуй над ними и не пролетал!.. Так вот, боцман: к тебе вопиют седины всех этих старцев, слезы всех сирот, потроха всех вдов — к тебе вопиют! Алеха!

Алеха: Да, я тут.

Прохоров: Так скажи мне и всему русскому народу: когда этот душегуб был схвачен с поличным, за продажей на Преображенском рынке наших Курил?

Алеха: Позавчера.

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ, ИЛИ ШАГИ КОМАНДОРА	5
ДИССИДЕНТЫ, ИЛИ ФАННИ КАПЛАН	111
МАЛАЯ ПРОЗА	
Антология поэтов общежития Ремстройтреста	147
Подвиг Асхата Зиганшина	165
У моего окна	166
Личное и общественное в поэме Маяковского «Хорошо!»	172
Благовествование	175
Василий Розанов глазами эксцентрика	194
Саша Черный и другие	218
33 зондирующих вопроса к абитуриентке Екатерине Герасимовой	221
«Нобелевский комитет ошибается...»	228
Моя маленькая лениниана	231
Краткая автобиография	249